УДК 81'27(571.54)
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-201-210

© *О. М. Козина*

История и динамика развития старообрядческих (семейских) говоров Бурятии

В статье приведены результаты исследования трех старообрядческих (семейских) говоров Бурятии, лингвистическое своеобразие которых определилось, с одной стороны, воздействием инодиалектного (сибирского) и иноязычного окружения автохтонов края, а с другой, относительной – бытовой и религиозной – изолированностью старообрядческого населения в прошлом, позволившей говорам сохранить архаичные черты материнской основы. В статье приводится краткая история заселения этих сел, характеристика демографической и этнокультурной ситуации, поскольку диалектные особенности говоров в районах, населенных старообрядцами, обусловлены лингвогеографическими факторами (синхронный срез) и старообрядческой историей данного региона (диахронный план). В результате исследования осуществлен многоуровневый анализ этих говоров в сравнении с окружающими сибирскими говорами (в том числе и иноязычными – бурятскими) и говорами, отраженными в Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ). Исследована специфика организации и функционирования говоров, динамика их развития, степень сохранности и тенденция изменения, выдвинуты новые положения в решении проблемы типологии и генезиса. Компьютерная обработка данных, элементы теории вероятностей и математической статистики, применяемые для анализа материала, позволили автору уточнить их историю.

Ключевые слова: старообрядческие (семейские) говоры Бурятии, синхронный срез, диахронный план, многоуровневый анализ, история, динамика развития, степень сохранности, тенденции изменения, диалектный тип, генезис.

O. M. Kozina

History and dynamics of Old Believers' dialects development in Republic of Buryatia

The article presents the results of research on three Old Believers' dialects met on the territory of the Republic of Buryatia. On the one hand their linguistic singularity was determined by the influence of another dialect (Siberian) and native people of the area who speak other language, and on the other hand by the Old Believers' insularity, household and religious, that helped to conserve archaic features of the motherese. The article provides brief history of given settlements, describes demographic and ethnocultural environment since dialect peculiarities of areas were Old Believers has settled are conditioned by linguistic and geographical factors (synchronic level) and by the Old Believers' history at the area (diachronic level). The research resulted in multilevel analysis of presented dialects in comparison with the nearest Siberian ones (including the buryat dialect) and with the dialects given in the Dialect Atlas of the Russian Language. Particular characteristics of structure and functioning of the dialects were analyzed as well as dynamics of their development, level of integrity and change tendency. New ideas in genesis and typology issue were suggested. Electronic data processing, elements of theory of probability and mathematic statistics enabled the author to redefine the history of the dialects.

Keywords: Old Believers' dialects of Buryatia, synchronic level, diachronic level, multilevel analysis, history, dynamics of development, level of integrity, change tendency, dialectic type, genesis

Предлагаемая работа посвящена исследованию говоров вторичного образования – говоров старообрядцев на территории Бурятии. Формирование этих говоров связано со вторым колонизационным периодом Сибири – с серединой XVIII в., когда в Западное Забайкалье были переселены старообрядцы, получившее местное название «семейские» [6, с. 193-194]. В статье рассматриваются говоры семейских с. Десятниково Тарбагатайского района (Д), с. Новодесятниково Кяхтинского района (НД) и с. Никольское Мухоршибирского района (Нк) РБ. Материал исследования собран автором во время диалектологических экспедиций, организованных Институтом монголоведения, буддологии и тибетологи СО РАН в период с 1984 по 1989 г. и с 1996 по 1998 г.

Под влиянием не только общего для всех говоров воздействия норм литературного языка, но и в условиях интенсивного взаимодействия с русскими говорами других типов и других языков выбор данных населенных пунктов, а именно их этнокультурное и этноязыковое местоположение имеет принципиальное значение. Так, важно отметить, что с. Десятниково в течение всей истории, с 1763 г., существовало в монодиалектном окружении старообрядческих селений. В то время как семейские из дочернего с. Новодесятниково на протяжении 200 лет контактируют со старожильческим сибирским и бурятским населением. Села находятся в разных районах республики, на значительном (около 300 км) расстоянии друг от друга. Село Никольское расположено в полидиалектном пространстве, т. е. окружено и старообрядческими, и старожильческими, и бурятскими селами.

Таким образом, лингвистическое своеобразие исследуемых говоров определилось, с одной стороны, воздействием инодиалектного (сибирского) и иноязычного окружения автохтонов края, а с другой, относительной – бытовой и религиозной, – изолированностью старообрядческого населения в прошлом, позволившей говорам сохранить архаичные черты материнской основы. По мнению исследователей, «…обычно старообрядцы образуют компактные поселения внутри районов с конфессионально иным, не старообрядческим населением. В иноязычном и инодиалектном окружении говор старообрядцев сохраняется как единый диалект, и устойчивость его определяет языковая обособленность старообрядцев» [12, с. 157-162]. Поэтому, как правило, диалектные особенности говоров в районах, населенных старообрядцами, определяются лингвогеографическими факторами (синхронный срез) и старообрядческой историей данного региона (диахронный план).

История основания сел Десятниково, Никольское, Новодесятниково отражена в исследованиях ученых. Так, из архивных источников следует, что после второй “выгонки” из пределов Польши в 1764 г. генерал-майор Маслов направил в Сибирь партию старообрядцев, одна из групп которой была распределена на службу в Томский и Селенгинский полки. Непригодные с их семействами были отправлены на поселение в Селенгинское ведомство. Другая группа в составе 824 человек была поселена в 1765 г. недалеко от Верхнеудинска (г. Улан-Удэ) в селах Тарбагатай, Куйтун, Куналей, Десятниково и Бурнашево, где уже проживали русские старожилы. Далее, в течение тридцати пяти последующих лет XVIII века, из этих деревень часть старообрядцев переместилась в новые селе-

ния – Надеино, Жиримское, Новобрянское, Заиграево и др.; а в марте 1767 г. на 25 подводах прибыла третья партия раскольников (453 чел.) и образовала села Шаралдай, Новый Заган, Мухоршибирь, Хонхолой, Никольское. Спустя 50 лет, в 1814 г., из-за малоземелья 20 крестьян[1] из с. Десятниково, переселились на правый берег р.Чикоя и на расстоянии почти 200 км. образовали с. Новодесятниково [9]. По данным П. С. Палласа, в 1772 г. в слободе Мухоршибирь и окружающих ее деревнях Заганской, Шаралдаевской, Харашабирской, в том числе селе Никольском проживало 450 «тамошних мужиков» (старожилов) и 350 человек новопоселенных колонистов. В Тарбагатае, к которому причислялись многочисленные деревни по реке Селенге и ее притокам – Бурнашевка, Михалевка (Десятниково), Пестерево, Султуринская, Куйтунская и др. (всего 21 название) – 309 мужиков и 466 «колонистов» [3, с. 516-517].

В настоящее время во всех трех исследуемых сёлах проживает старообрядческое население (на 99 %). В с. Десятниково – 300 дворов, 788 человек; в с. Никольское – 500 дворов, 1505 человек и в с. Новодесятниково – 130 дворов, 440 человек.

В ходе исследования применялись методы наблюдения, слухового анализа, дескриптивный метод, метод лингвогеографии. Для анализа материала использовались элементы теории вероятностей и математической статистики, обработка данных проводилась с помощью компьютерных программ.

Исследование шло в трех направлениях: сравнение диалектных систем, анализ влияния иноязычных говоров, установление диалектного типа и уточнения истории говоров, результаты которого можно обобщить в виде определенных выводов.

I. Сравнение диалектных систем Д, Нк, НД

1. Фонетическая система

1.1. Вокализм исследуемых старообрядческих говоров характеризуется тем, что он не только развивается по законам внутреннего характера, но в определенной степени испытывает на себе иноязычное влияние (преимущественно это относится к вокализму говоров НД). В связи с этим в рассматриваемых говорах можно выделить основную систему вокализма (её «ядро») и периферию, то есть разного рода отступления от основных закономерностей вокализма рассматриваемых говоров.

Относительно основной системы вокализма старообрядческих (семейских) говоров сел Д, Нк и НД можно сделать следующие выводы:

1.1.1. В системе ударного вокализма старообрядческих говоров Д, Нк и НД в абсолютно сильной позиции представлено 5 фонем: /а/, /е/, /о/, /и/, /у/. По своему качеству – набору дифференциальных признаков, по артикуляторной характеристике звуков, воплощающих эти фонемы в сильной позиции – они не отличаются от соответствующих гласных фонем русского литературного языка. Особенность говоров связана не с набором фонем и не с характеристикой звуков, их

[1] Как утверждают информанты, с. Новодесятниково основали три старообрядческие семьи – Пискуновы, Банновы и Богатовы.

воплощающих, а с функциональной нагрузкой фонем, которая может либо сужаться, либо расширяться за счет ряда рассмотренных выше фонетических особенностей, носящих чаще всего морфологизованный или лексикализованный характер.

В позициях нейтрализации, то есть сигнификативно слабых, вокализм представлен меньшим набором гласных.

1.1.2. В первом предударном слоге после твердых согласных в говорах Д, Нк, НД различаются фонемы /и/, /у/ и архифонема (слабая фонема – по Аванесову) /а-о/. Эта модель предударного вокализма представляет систему **недиссимилятивного (сильного) аканья**: гласные фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге после твердых и заднеязычных согласных совпадают в звуке [а] независимо от качества ударенного гласного и консонантного окружения (*д*[а]*лá* – *д*[а]*мóй* – *д*[ы]*рá* – р[у]*кóй*).

1.1.3. В первом предударном слоге после мягких согласных в говорах Д и НД различаются фонемы /и/, /у/ и архифонема (слабая фонема) /а-о-е/. Эта модель предударного вокализма представляет систему **недиссимилятивного сильного яканья:** независимо от качества ударенного гласного и качества следующего согласного фонемы /а/, /о/ и /е/ представлены гласным [а], например, ([п’и]*лá* – [л’у]*дей* – [с’а]л*ó* – *с*[л’а]*пóва* – [р’а]*бóва*; [с’а]*стрóй* – [с’а]*лóм* – к [р’а]*бóй*; к [с’а]*лý* – с[л’а]*пым* – [р’а]*бых*; ф [с’а]*лé* – [в’а] *лéл* – *г*[л’а]*дéли*; [с’а] *лá* – с[л’а]*пáя* – [р’а]*бáя*). Являясь в этих говорах устойчивой чертой, сильное яканье охватывает почти всю лексику.

В говоре Нк в первом предударном слоге после мягких согласных перед ударенным гласным [а] различаются фонема /а/ и архифонема (слабая фонема) /а-о-е-и/, а перед другими ударенными гласными (не-[а]) различаются фонемы /и/, /у/ и архифонема (слабая фонема) /а-о-е/. Эта модель вокализма представляет систему **диссимилятивного яканья жиздринского подтипа**, например, [п’и]*лá* – [л’у]*дей* – [с’а]л*ó* – *с*[л’а]*пóва* – [р’а]*бóва*; [с’а]*стрóй* – [с’а]*лóм* – к [р’а]*бóй*; к [с’а]*лý* – с[л’а]*пым* – [р’а]*бых*; ф [с’а]*лé* – [в’а] *лéл* – *г*[л’а]*дéли*; [с’и] *лá* – с[л’и]*пáя* – [р’и]*бáя*).

1.1.4. В процессе развития исследуемых говоров под влиянием различных факторов как внутреннего, так и внешнего характера **на смену параллелизму** в употреблении гласных после твердых и после мягких согласных с диссимилятивным принципом реализации гласных фонем в исследуемых говорах появились системы предударного вокализма с **разрушенным параллелизмом: “недиссимилятивное (сильное) аканье – диссимилятивное яканье”**, которая отмечена в говоре Нк, и система с параллельным предударным вокализмом после твердых и после мягких согласных, то есть **“недиссимилятивное аканье – недиссимилятивное яканье**” (с редкими отклонениями, отмеченными в говорах Д и НД).

1.1.5. Во всех заударных слогах в основной системе рассматриваемых говоров после твердых согласных противопоставлены фонемы /и/, /у/ и архифонема (слабая фонема) /а-о/, после мягких – фонемы /и/, /у/ и архифонема /а-о-е/.

1.1.6. Случаи лабиализации в безударных слогах (предударных и заударных) не только гласных неверхнего подъема [а], [о], но и гласных верхнего подъема

[и], [ы] и не только перед ударенным [а], а и перед другими гласными в рассматриваемых говорах являются косвенным свидетельством существовавшего ранее в данных говорах диссимилятивного аканья. Примеры с [у] на месте разных безударных гласных в настоящее время могут объясняться частично сохранением элементов старого диссимилятивного аканья и при этом могут поддерживаться влиянием иноязычной среды, то есть существованием этих причин в комплексе.

1.1.7. Большинство черт системы консонантизма старообрядческих говоров можно рассматривать как результат их имманентного развития или объяснить своеобразием артикуляционной базы: заднеязычные парные по глухости-звонкости [γ] – [х], [г] – [х], [г] – [к], губно-губное образование фонемы /в/, передача иноязычного [ф] посредством звуковых замен, шепелявые согласные на месте свистящих фонем, произношение мягких кратких шипящих на месте фонем /ж/, /ш/, наличие нескольких вариантов аффрикаты /ч/, различных по степени палатализации, непозиционное оглушение и озвончение согласных. Вместе с тем на систему согласных старообрядческих говоров (в большей степени на говор НД) оказывают влияние языки и диалекты местных коренных жителей: под влиянием бурятского языка и его диалектов поддерживаются те черты, которые выработались в процессе внутреннего развития говоров: случаи употребления твердого [р] на месте /р’/; произношение полумягких разновидностей кратких шипящих; произношение долгих твердых шипящих на месте долгих мягких; случаи употребления неэтимологического *ц* на месте /с/ (влияние цакающего цонгольского говора бурятского языка); случаи непозиционного оглушения и озвончения согласных.

1.1.8. Отдельные языковые явления, многие из которых представлены единичными примерами, являются свидетельством того, что говоры Д, Нк и НД (в разной степени) на пути к консонантизации во многом ближе говорам вокальным, т.е. они тоже идут к большей консонантизации, но при этом еще сохраняют черты большей вокальности своих материнских говоров. В указанной закономерности говор Нк отличается большей вокальностью, говоры Д и НД – меньшей.

2. Грамматическая система

2.1. Современные грамматические процессы в исследуемых говорах Д, Нк, НД так же, как и фонетические, определяются, с одной стороны внутренними закономерностями развития диалектной системы, а с другой – внешними по отношению к этой системе факторами: междиалектными контактами и влиянием литературного языка. Среди внутренних закономерностей развития в исследуемых говоров действует тенденция к объединения парадигм существительных мн. ч. в единый тип, к изменению нерегулярных словоизменительных типов имен и глаголов под влиянием регулярных и т.п. Общая направленность всех этих процессов заключается в усилении стандартности выражения одних и тех же грамматических значений.

3. Лексическая система

3.1. Анализ лексического материала выявил значительное единство словарного состава изучаемых говоров, с единичными различиями между говорами обследованных сел. При этом в структуре анализируемой лексической системы условно можно выделить общенародную, общесибирскую, заимствованную и

локальную лексики. Даже представленное описание части словарного состава позволяет говорить, что старообрядческие говоры обнаруживают определенное единство в синхронном плане, которое, прежде всего, связано с тем, что словарный фонд современных говоров – это в целом словарный фонд всего русского языка.

3.1.1. К наиболее важным общим закономерностям формирования и развития диалектной лексики исследуемых говоров относятся: семантическая и словообразовательная модификация, образование вторичных диалектных слов на базе материнских говоров, освоение заимствований из языка автохтонного населения Бурятии.

3.1.2. Основная масса лексических заимствований в исследуемых говорах относится к раннему периоду межъязыкового контактирования. Целый ряд заимствований сейчас многими не осознается как иноязычный по происхождению – старообрядцы воспринимают их как «свои», родные. Такие слова коммуникативно значимы, их характеризует высокая словообразовательная активность, фонетическая вариативность, а в отдельных случаях метафоричность.

3.1.3. Необходимо подчеркнуть, что наиболее заметный пласт бурятизмов отмечен в говоре с. Новодесятнико, при этом в сознании говорящих имеет место дифференциация по языковой принадлежности слова, указывающая на непрерывный процесс пополнения словаря старообрядцев этого села за счет заимствований из бурятского языка.

II. Влияние инодиалектых и иноязычных говоров

1. Настоящее исследование показало, что система говора НД в большей степени подверглась влиянию инодиалектных (сибирских) говоров, а иноязычное окружение способствовало появлению ряда инноваций, вызванных межъязыковым контактированием. Влияние бурятского языка, в частности цонгольского говора на говор НД сказалось, в следующем: 1) значительно большее количество лексических заимствованиях из бурятского языка в сравнении с лексическими системами Д и Нк 2) в фонетике – устойчивость произношения [у]-образных гласных в безударных (предударных и заударных) слогах, чему способствует цонгольский говор бурятского языка, произношение [р]-твердого на месте [р’]-мягкого, непозиционное оглушение и озвончение согласных, употребление неэтимологического *ц* на месте /с/ как результат влияния цакающего цонгольского говора; в морфологии – отсутствие категории среднего рода у имен (см. подробнее [7, 103-108].

III. Установление диалектного типа и уточнения истории говоров

Сопоставление семейских говоров Д, Нк, НД с характеристиками единиц диалектного членения [1] показало их значительное сходство с говорами южного наречия (Западной, Курско-Орловской, Восточной (рязанской), Верхне-Днепровской, Верхне-Деснинской групп и др.; с Межзональными говорами типа “Б”. По ряду языковых черт исследуемые говоры сходны с Псковскими говорами (Западные среднерусские акающие говоры). Отдельные языковые черты имеют распространение в говорах северного наречия, некоторые языковые признаки сложно отнести к числу диагностирующих диалектную основу в силу их широкой локализации.

Поэтому для уточнения истории рассматриваемых говоров, важно было определить к какому из диалектных типов, характеризующих первичные говоры, можно с наибольшей вероятностью отнести анализируемые системы. То есть классифицировать исследуемые говоры вне территориального аспекта в чисто структурном плане с единицами структурно-типологической классификации (СТК) исконных русских говоров по методу Н. Н. Пшеничновой. Исходные теоретические принципы, исследовательские приемы, понятийный аппарат этого метода изложены в [4; 10; 11].

Итак, чтобы определить, к какому диалектному типу (д.т.) можно отнести рассматриваемые говоры Д, НД, Нк в память ЭВМ были введены характеристики этих говоров, а именно все показатели, представленные в ДАРЯ, по которым была проведена структурно-типологическая классификация (СТК) материнских говоров (в основание классификации входят 4416 признаков фонетико-фонологического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического уровня языка).

По методу Н. Н. Пшеничновой рассматриваемые говоры Д, НД, Нк сравнивались со всеми говорами территории ДАРЯ (4195 ЧДС). В результате такого сравнения было определено, к говорам каких классификационных единиц каждого из четырёх уровней СТК наиболее близки изучаемые говоры семейских. На первом уровне СТК выделилось четыре классификационных единицы: две однородные группы – группа говоров Севернорусского д.т. (С) и группа говоров Южнорусского д.т. (Ю), переходная совокупность говоров (П), или Среднерусские говоры, и совокупность разнородных говоров (Р) – говоры Западнорусского д.т. Приведем показатели близости говоров семейских с говорами названных четырёх классификационных единиц первого уровня СТК: t (показатель близости) – таксономическое отношение t_{ij} i-ого говора с j-ой классификационной единицей равны:

Десятниково (Д)	Новодесятниково (НД)	Никольское (Нк)
$t_{дС} = 0{,}006$	$t_{нсС} = 0{,}013$	$t_{нкС} = 0{,}0008$
$t_{дЮ} = 0{,}031$	$t_{ндЮ} = 0{,}021$	$t_{нкЮ} = 0{,}038$
$t_{дП} = 0{,}085$	$t_{ндП} = 0{,}086$	$t_{нкП} = 0{,}083$
$t_{дР} = 0{,}210$	**$t_{ндР} = 0{,}190$**	**$t_{нкР} = 0{,}246$**

Самый высокий показатель близости у говоров Д, НД, Нк – с говорами Западнорусского д.т., следовательно, рассматриваемые говоры наиболее близки материнским говорам **Западнорусского д.т. (Р).**

На втором уровне СТК материнские говоры Западнорусского д.т. разделились на три классификационные единицы: две однородные группы говоров – группа говоров Юго-западного д.т. (Р1) и группа говоров Северо-западного д.т. (Р2) и совокупность разнородных говоров Западнорусского д.т. (РР). Приведем показатели близости рассматриваемых говоров с этим классификационными единицами второго уровня СТК.

Десятниково	Новодесятниково	Никольское (Нк)
$t_{дР1}$ = 0,608	$t_{ндР1}$ = 0,559	$t_{нкР1}$ = 0,690
$t_{дР2}$ = 1,232	$t_{ндР2}$ = 1,211	$t_{нкР2}$ = 1,248
$t_{дРР}$ = 2,958	**$t_{ндРР}$ = 2,787**	**$t_{нкРР}$ = 3,127**

Данные показывают, что самый высокий показатель близости у говоров Д, НД, Нк – с совокупностью разнородных говоров (РР). Таких говоров на территории ДАРЯ – 81, и распространены они на карте, отражающей СТК, **по северной и южной периферия м территории говоров Западнорусского д.т.,** а также редкими единичными вкраплениями на остальной территории ДАРЯ. Рассматриваемые говоры семейских ближе всего к этим материнским говорам второго классификационного ранга СТК.

Совокупность разнородных говоров второго ранга (РР) на третьем уровне СТК разделилась на две классификационные единицы: однородную группу говоров (РР1) и совокупность разнородных говоров (РРР). Приведем показатели близости говоров семейских к этим классификационным единицам СТК.

Десятниково	Новодесятниково	Никольское (Нк)
$t_{дРРР}$ = 2,958	$t_{ндРРР}$ = 6,536	$t_{нкРРР}$ = 6,497
$t_{дРР1}$ = 12,115	**$t_{ндРР1}$ = 11,431**	**$t_{нкРР1}$ = 12,784**

Данные показывают, что говоры Д, НД, НК ближе всего к группе говоров третьего уровня СТК ((РР1) – на территории ДАРЯ таких говоров 36), диалектный тип этой группы говоров на третьем уровне СТК отсутствует (правило, определяющее наличие или отсутствие в характеристике классификационной единицы диалектного типа [11, с. 41, 46-49]).

Группа говоров РР1 на четвертом уровне СТК разделилась на две классификационные единицы: однородную группу говоров (РР11) и совокупность разнородных говоров (РР1Р). Сравним показатели близости рассматриваемых говоров семейских с этими единицами СТК четвертого ранга.

Десятниково	Новодесятниково	Никольское (Нк)
$t_{дРР1Р}$ = 25,577	$t_{ндРР1Р}$ = 24,679	$t_{нкРР1Р}$ = 28,551
$t_{дРР11}$ = 34,830	**$t_{ндРР11}$ = 33,388**	**$t_{нкРР11}$ = 38,355**

Данные показывают, что говоры Д, НД, Нк (более всего говор Нк) ближе всего к говорам однородной группы РР11, диалектный тип которых на четвертом уровне определить нельзя, – эти говоры относятся на третьем уровне к однородной группе РР, на втором уровне к Юго-западному д.т., а на первом классификационном уровне – к Западнорусскому д.т. Говоры этой группы занимают еще

более компактный ареал (на территории ДАРЯ – это 16 говоров) **по течению р. Оскол и в бассейне верхнего и среднего Дона**.

Таким образом, в результате анализа исследуемых говоров семейских как единых целостных языковых систем по всем основным показателям и сравнения их с материнскими говорами и с использованием автоматизированной базы данных говоров Д, НД, Нк были сделаны следующие выводы:

1) исследуемые говоры семейских по всем основным языковым показателям с наибольшей вероятностью можно отнести к **Западнорусскому диалектному типу**; эти говоры на карте, отражающей структурно-типологическую классификацию, занимают узкую полосу **русско-белорусской и русско-украинской границы** [4, с. 196-197];

2) определен генезис исследуемых говоров: материнской основой семейских говоров Д, НД, Нк с наибольшей вероятностью следует считать говоры, занимающие **территорию бассейна верхнего и среднего Дона**; полученный вывод совпадает с точкой зрения А. М. Селищева на происхождение семейских говоров [Селищев, 1920];

3) вместе с тем, рассмотренный материал позволил сделать некоторый новый вывод относительно происхождения старообрядческих говоров – совпадая по большинству своих особенностей с говорами бассейна верхнего и среднего Дона, по ряду языковых черт говоры Д и НД близки **Псковским говорам** (при характеристике говоров Д, Нк и НД (ч. I, II) во многих случаях отмечается, что те же диалектные особенности, характерны и для Псковских говоров), а именно **южно-псковским** (это четвертый уровень СТК; на третьем уровне – это группа говоров Северозападного д.т.). Это дает основание предполагать, что, возможно, в более глубокой древности основой говоров, наследниками которых являются рассматриваемые семейские говоры, были говоры **псковские.**

Обобщая сказанное, можно говорить о том, что рассматриваемые говоры «пришли» в Сибирь в уже сформированном виде и в результате более двухсотлетнего инодиалектного, иноязычного окружения практически не претерпели каких-либо значительных изменений. Основанием для подобного утверждения служит сопоставление данных, полученных в результате современного исследования старообрядческих говоров (архаичного слоя) с описанием этих говоров крупнейшим ученым-славистом прошлого века А. М. Селищева [5]. Старообрядческие говоры семейских изначально имеющие монодиалектную основу (говоры верхнего и среднего Дона) в процессе развития диалектного языка под влиянием различных факторов как внешнего – (миграционные процессы, преобладание носителей какого-либо говора и др.), так и внутреннего характера – (аналогические процессы разных типов, внутрисистемные отношения языковых единиц, местные тенденции языкового развития) сформировались в группу очень близких между собой говоров, наиболее соотносимую по принятым критериям с **Западнорусским диалектным типом**.

При этом важно заметить, что языковые изменения связаны со сложной системой взаимодействия исторических, социально-политических, правовых, экономических, культурных, этнодемографических, психологических, лингвистических и других факторов. На современном этапе развития социолингвистики

ученые выделяют именно уровень **национального самосознания** как один из наиболее влиятельных факторов, определяющий приоритетное развитие того или иного языка в обществе [2, с. 23]. По этому поводу справедливо замечание С. Е. Никитиной: «Обостренное самосознание, присущее старообрядчеству, как и другим конфессиональным сообществам, стоящим в оппозиции к официальной религиозной идеологии, проявляется в пристальном внимании к своему и чужому речевому поведению» [8, с. 74].

Литература

1. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. – М.: Наука, 1970. – 124 с.
2. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и и перспективы развития. – Улан-Удэ, 2002.
3. Палас П. С. Путешествие по разным провинциям российского государства. Ч. 3, половины 1 и 2. – СПб., 1788.
4. Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). – М.: ИЦ «Азбуковник», 2008. – 220 с.
5. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. – Иркутск, 1921.
6. Козина О. М. Этноним «семейские» как результат продуктивной словообразовательной модели диалекта // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VII Междунар. науч. конф. (Чита, ЗабГУ, 5-6 декабря 2014 г.). – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. – С.193-195.
7. Козина О. М. Бурятские заимствования в старообрядческих диалектах Забайкалья как результат социальной адаптации русских // Россия-Монголия: 100 лет дипломатического сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. – С. 103-108.
8. Никитина С. Е. «Народная филология» в старообрядческой культуре // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск, 1992.
9. Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII веке // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М., 1973.
10. Пшеничнова Н. Н. О некоторых трудных вопросах структурно-типологической классификации русских говоров // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. – М., 2002а.
11. Пшеничнова Н. Н. Дискретность и континуальность русского диалектного пространства // Исследования по славянской диалектологии. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – М., 2002б.
12. Сморгунова Е. М. Старообрядцы Верхней Язьвы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск, 1992.